

Пернатый Квартал

История птиц большого города

Сергей
Диковинный

Сергей Диковинный

Пернатый квартал

<https://litres.ru/74477442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогой читатель!

Эту книгу я написал не один. Со мной её создавали удивительные существа — птицы. Они рассказали мне свои истории, а я записал их, чтобы ты тоже смог их услышать.

Где я их встретил? На карнизе старого дома в центре Москвы. Там живёт один очень мудрый ворон. Он-то и познакомил меня со всеми героями этой книги — синичкой, воробьём, снегирём, дроздами, соловьём, чайкой и маленьким воронёнком.

А ещё он рассказал мне вот что: если внимательно слушать, можно услышать, как птицы говорят о самом важном. О доме. О любви. О дружбе. О том, как найти своё место в этом большом городе.

Я слушал. И записывал.

А теперь — эту книгу держишь в руках ты.

Устраивайся поудобнее. Открой окно — или хотя бы форточку. И послушай. Может быть, и тебе повезёт услышать, о чём щебечут птицы за твоим окном.

С тёплой улыбкой, Сергей Диковинный

Содержание

Чик	4
Плюх	11
Селезень	16
Сова	21
Пингвин	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пернатый квартал

Чик

Он жил в старом дворе, где время будто застряло между двумя эпохами. С одной стороны — высотки, стекло и бетон, с другой — пятиэтажки с облупленными стенами, где на верёвках сушится бельё, а бабушки у подъезда чинят табуретки. Этот двор пах мокрым асфальтом, жареными семечками и бензином от припаркованных машин. Здесь всегда кто-то кричал: дети на площадке, мужики у гаражей, радиоприёмник в раскрытом окне на третьем этаже. А над всем этим — тополя. Огромные, старые, они поднимались выше крыши и шумели листвой так, будто переговаривались о чём-то своём, недоступном людям. Чик родился в дупле одного из таких тополей. Он был самым маленьким в выводке — последним, самым слабым, с кривым хвостиком, который никак не хотел ровно ложиться. С самого детства он привык, что его отталкивают. Сначала братья и сёстры, потом чужие воробьи, потом все остальные. Дворовая кормушка — старый деревянный ящик, прибитый к стволу, — была местом жестоких битв. Каждое утро стая воробьёв слеталась туда, чтобы выяснить, кто сегодня получит лучшие крошки. Лидером был Булка — крупный, наглый, с грудью колесом и клювом, которым он умел больно щипаться. Он оттирал Чика от кормушки с таким видом, будто делал тому одолжение. — Мелочь, — фыркал Булка, расталкивая Чика крыльями. — Не хватай выше клюва. Не твой размер. Чик не спорил. Он отлетал в сторону, садился на край песочницы и молча смотрел, как его законная доля уплывает в чужой клюв. Он часто

сидел на тополе и думал: почему он такой маленький? Почему другие не воспринимают его всерьёз? Даже кот, который жил в подвале — толстый, ленивый, с порванным ухом, — однажды прошёл мимо Чика с таким видом, будто тот был пустым местом. Кот не стал на него охотиться. Он просто прошёл мимо, даже не повернув головы. Это было обидно сильнее, чем если бы он попытался его съесть. В то утро всё было как обычно. Стая дралась за горбушку, оброненную у подъезда. Булка отпихнул Чика и чирикнул что-то насмешливое. Чик вздохнул и перелетел на тополь. Он устроился на ветке, с которой было видно весь двор, и приготовился к привычному дню. — Чего приуныл? — раздался хриплый голос. Чик вздрогнул и обернулся. Рядом сидел Ворон. Он появился бесшумно, как всегда. Старый, большой, с перьями, которые на солнце отливали синевой, как мокрая брусчатка после дождя. Ворон редко заговаривал с мелочью. Он больше наблюдал — сидел на крыше, смотрел вниз и будто запоминал всё, что происходит. Но когда он открывал клюв, его слушали все. Даже Булка замолкал. — Меня все обижают, — сказал Чик. — Я слишком маленький. Я ничего не могу. — Врёшь, — спокойно ответил Ворон. — Размер — это не про силу. Сила — это про смелость. Чик поднял голову: — А что такое смелость? — Смелость — это когда у тебя внутри всё дрожит от страха, но ты всё равно делаешь то, что должен, — сказал Ворон. — Скажи-ка мне: ты боишься кого-нибудь? — Всех, — честно признался Чик. — А если я скажу

тебе, что сегодня тебе придётся напугать великана? Чик чуть не свалился с ветки. — Великана? Какого ещё великана? Зачем?! — Увидишь. Сиди и жди. Ворон расправил крылья и плавно снялся с ветки. Он пролетел над двором, набрал высоту и скрылся за крышами. А Чик остался сидеть на тополе, нервно дёргая кривым хвостиком, и гадал, что всё это значит. День тянулся медленно. Солнце поднималось над пятиэтажками, двор наполнился детским смехом и скрипом качелей. Никаких великанов не было видно. Чик уже начал думать, что Ворон пошутил, когда во двор въехал грузовик. Он был огромный. Чик даже не подозревал, что машины бывают такими большими. Грузовик притормозил у крайнего подъезда, чихнул двигателем и заглох. Из кабины вылез человек — такой здоровенный, что даже подъездная дверь рядом с ним казалась маленькой. Он был в синей спецовке, с закопчёнными руками и лицом, которое не выражало никаких эмоций. Он подошёл к кузову и начал вытаскивать тяжёлые мешки с песком. Чик замер. Вот он, великан. Он уже хотел нырнуть поглубже в листву, как вдруг дверь подъезда распахнулась. На улицу выбежала маленькая девочка — лет пяти, с растрёпанными косичками и ссадиной на коленке. Она подбежала к грузчику и закричала: — Дяденька, не надо! Там мой котёнок! Мурзик спит под теми мешками! Мужчин нахмурился: — Какой ещё котёнок? Не вижу я никакого котёнка. Отойди, девочка, мне работать надо. — Нет, нет, он там! — захныкала девочка. — Он рыженький, маленький! Я

видела, как он туда залез! Водитель махнул рукой, как отмахиваются от назойливой мухи, и поднял очередной мешок. Чик посмотрел туда, куда показывала девочка. У стены дома, между мешками с песком, действительно лежал крошечный рыжий комочек. Котёнок спал, свернувшись клубком, и даже не пошевелился. Он не чувствовал опасности. Девочка заплакала. Она вцепилась в рукав спецовки и тянула его вниз: — Дяденька, ну пожалуйста! Он же маленький! Он задохнётся! — Я сказал — отойди! — рывкнул мужчина и стряхнул её руку. Чик почувствовал, как его крошечное сердце забилось где-то у самого горла. Он посмотрел вниз — на девочку, на котёнка, на огромного человека с мешком в руках. «Я же маленький, — подумал он. — Он меня даже не заметит. А если заметит — прихлопнет, как комара». И вдруг он услышал голос. Тихий, хриплый, он раздался будто у самого уха: — Ну? Чего сидишь? Чик обернулся. На соседней ветке сидел Ворон. Он смотрел на него спокойно и выжидающе. — Я боюсь, — прошептал Чик. — Знаю. И что? Чик зажмурился. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен на весь двор. А потом он открыл глаза и камнем упал вниз. Он приземлился прямо на голову грузчику. Вцепился коготками в волосы, заорал что есть мочи и забил крыльями. Он метался, прыгал, чирикал, бил человека по голове своими маленькими крылышками. — Ай! Что за?! — мужчина выронил мешок и захлопал руками по голове. — Кыш отсюда, мелюзга! Но Чик не улетал. Он запрыгнул на плечо, потом на кепку,

потом снова на голову. Он был везде одновременно — крошечное серое торнадо, которое визжало и билось. — Ай! Ай! — грузчик отмахивался и отступал. Шаг. Ещё шаг. — Чтوب тебя!.. Он замер. Прямо перед ним, в щели между мешками, торчал рыжий пушистый хвост. Мужчина замер. Он медленно опустил руки, снял кепку и посмотрел на Чика, который тяжело дышал, сидя у него на голове. — Ох ты ж, — выдохнул он. — А ведь и правда. Он аккуратно раздвинул мешки и вытащил перепуганного котёнка. Крошечный рыжий комочек дрожал у него в ладонях. Девочка с визгом бросилась к нему: — Мурзик! Мой Мурзик! Она прижала котёнка к груди и разрыдалась — уже от счастья. Грузчик почесал затылок и виновато улыбнулся: — Прости, малышка. Не доглядел. Потом он посмотрел на Чика, который всё ещё сидел на его кепке. — А это что за вояка такой? — Это мой герой! — крикнула девочка, вытирая слёзы. — Самый храбрый воробей на свете! Грузчик усмехнулся и покачал головой: — Мелкий, а характерный. Вечером Чик сидел на тополе. Внизу, во дворе, девочка играла с рыжим котёнком. Мурзик уже пришёл в себя и теперь гонял по асфальту бумажный фантик. К Чикку подлетела вся стая. Даже Булка выглядел смущённым. — Слышь, Чик, — сказал он, переминаясь с лапы на лапу. — Ты это... молодец. Мы не думали, что ты такой смелый. Чик ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел, как в окнах зажигаются огни. Где-то гремела посуда, где-то играла музыка, а Мурзик ловил фантик и был совершенно счастлив.

Впервые в жизни Чик не чувствовал себя маленьким. Рядом бесшумно приземлился Ворон.— Ну что, понял теперь? — спросил он.— Понял, — кивнул Чик. — Смелость — это не когда ты не боишься. Это когда боишься, но всё равно делаешь. Ворон посмотрел на двор, на девочку с котёнком, на зажжённые окна.— И знаешь, что самое смешное? — сказал он. — Тот котёнок вырастет в огромного кота. Он будет ходить по этому двору, важный и толстый, и сладко спать на солнышке. А если кто-то спросит его, откуда он такой везучий, он вспомнит тебя. Маленького серого воробья, который спас ему жизнь. Твоя смелость станет легендой. Ворон помолчал и добавил:— А легенды, Чик, не измеряются размером. Где-то вдалеке прогудела электричка. Тополь вздохнул листвой, и двор погрузился в сумерки, тёплые, пахнущие пылью и мятой травой. А Чик сидел на ветке и смотрел на город, который впервые за всю его короткую жизнь показался ему не огромным и чужим, а своим.

Плюх

Он жил на карнизе дома, который видел ещё царей. Старый, облупленный, с тяжёлыми лепными украшениями и

подоконниками, на которых можно было стоять, как на балконе. Этот дом выходил окнами на площадь Трёх Вокзалов — место, где Москва никогда не спит. Здесь пахло соляной, горячими пирожками из ларька и дешёвым кофе, который бесконечно кто-то нёс в пластиковых стаканчиках. Здесь всегда гудело: урчали моторы, шаркали чемоданы по асфальту, кричали водители, плакали дети, а голуби — тысячи голубей — снимались с крыш единой серой тучей, когда мимо проезжал особенно громкий грузовик. Плюх был одним из них. Но если другие голуби чувствовали себя хозяевами площади, то Плюх был вечным изгоем. Он вечно плюхался в лужи. Не потому, что был неуклюжим — просто он любил смотреть по сторонам. Засмотрится на облака, на отражение вокзальных часов в мокром асфальте — и всё, привет. Лужа уже рядом. Плюх. Бабушки, сидевшие у перехода с семечками, махали на него руками. Которые повкуснее — те, с хлебными крошками, — собирались вокруг пышных наглых голубей с радужными шеями. Плюха оттирали. Он вздыхал, отходил в сторону и садился на карниз, провожая взглядом поезда, которые уходили куда-то далеко-далеко, туда, где, наверное, была какая-то другая жизнь. Рядом с его карнизом, на самом верху, в развилке водосточной трубы, жил Ворон. Старый, большой, с перьями цвета антрацита, которые на солнце отливали синевой. Про него говорили, что он помнит ещё Москву без высоток. Плюх не знал, правда ли это, но Ворон действительно выглядел так, будто ви-

дел всё на свете. В то утро Плюх сидел на карнизе и смотрел, как на площади начинается суeta. Подъезжали такси, выгружались туристы с огромными рюкзаками, у фонтана уже выстраивалась очередь на фотографию. И вдруг — там, у фонтана, начался переполох. Невеста в белом платье — таком длинном, что оно подметало брусчатку, — вдруг вскрикнула и схватилась за руку. Она что-то искала на пальце, потом на земле. Жених бросился к ней, гости засуетились. Все смотрели вниз, под ноги, шарили руками по мокрой брусчатке. Плюх наклонил голову. Он увидел, как между булыжниками, в грязной луже, что-то блеснуло. Маленькое, золотое, хрупкое. Кольцо. — Люди... — раздался хриплый голос. Ворон сидел рядом, на том же карнизе, и задумчиво смотрел вниз. — Теряют самое дорогое под ногами. — Они его не найдут, — тихо сказал Плюх. — Оно закатилось в щель. Почти не заметно. — Заметно. Если смотреть внимательно, — сказал Ворон. — А они — нет. Они суетятся. Счастье, Плюх, — это когда тебе доверяют самое дорогое. Но доверие приходит к тем, кто умеет смотреть внимательно. Плюх вздохнул: — Я умею смотреть. Только кто мне доверит что-то дорогое? Я же просто серый голубь, которого все гоняют. Ворон посмотрел на него долгим немигающим взглядом. Потом сказал: — А ты спустись. Давай. Я прикрою. Плюх испугался. Он всегда боялся людей — слишком громкие, слишком быстрые, слишком непредсказуемые. Но Ворон смотрел на него так, будто знал что-то, чего не знает он. И Плюх ре-

шился. Он снялся с карниза и полетел вниз. Приземлился, как всегда, эффектно — шлёпнулся в лужу, подняв фонтан брызг. Люди вокруг вскрикнули, кто-то засмеялся. Но Плюх не обращал внимания. Он смотрел на блеск в щели между камнями. Он подошёл осторожно, стараясь не делать резких движений. Потом наклонился, подцепил кольцо клювом — оно было холодное, тонкое, почти невесомое. И поднял голову. Невеста смотрела прямо на него. Мокрая, заплаканная, с размазанной тушью. Она протянула ладонь — осторожно, боясь спугнуть. Плюх сделал шаг. Потом ещё один. Он подошёл к ней вплотную и аккуратно положил кольцо в её ладонь. На секунду всё замерло. Потом невеста закричала — но уже не от горя, а от счастья. Она подхватила Плюха на руки, прижала к себе и закружилась. Жених хохотал, гости хлопали, туристы щёлкали фотоаппаратами. А Плюх, мокрый, грязный и ошарашенный, сидел у девушки на ладони и чувствовал, как его сердце колотится от радости. Вечером Плюх сидел на карнизе, наевшись лучших булочек, которые вынесла ему бабушка из кофейни — та самая, что всегда махала на него платком. Теперь она кидала ему кусочки круассана и улыбалась. Ворон сидел рядом. — Ну что, понял теперь? — спросил он. Плюх кивнул: — Понял. Счастье — это когда тебе доверяют. — Именно, — сказал Ворон. — Неважно, как ты выглядишь. Неважно, какой ты. Если в нужный момент ты оказался там, где нужно, и сделал то, что нужно — ты герой. Даже если шлёпнулся в лужу. Он усмехнулся и доба-

вил:— Иногда, чтобы найти сокровище, нужно хорошенько испачкаться.Плюх посмотрел на площадь. Она сверкала огнями, гудела, жила своей бесконечной жизнью. А он — он теперь был её частью. Не просто серым голубем на карнизе, а Плюхом, который однажды спас чью-то любовь.И на душе у него было тепло, как от того круассана, который он съел вечером.

Селезень

Он помнил этот берег другим. Когда-то, давным-давно, здесь было чисто. Вода в Яузе была прозрачной, по дну бе-

гали мальки, а по берегам росли высокие камыши, в которых так хорошо было прятаться от ветра и чужих глаз. Он вылу-пился здесь, в этом самом затоне, под старой ивой, которая до сих пор склонялась к воде, будто пытаясь напиться.Его звали Селезень. Не потому что он был селезнем — а пото-му что другого имени ему никто не дал. Он был обычной ут-кой: серо-коричневой, с зелёной головой, которая на солнце отливала изумрудом. Он вырос на Яузе, научился нырять за ряской, драться с чужими селезнями и улетать на зиму в тёп-лые края.А потом что-то изменилось.Город наступал. Берега Яузы заковали в бетон, камыши вырубili, а воду перегоро-дили плотинами. Мальки исчезли. Вода стала пахнуть мазу-том и ржавчиной. Селезень вернулся весной — и не узнал родной дом.Он покружил над затоном, сел на воду и почув-ствовал, как лапы скользят по маслянистой плёнке. Берег, где он вылупился, теперь был залит бетоном. Ивы, под ко-торой он прятался в детстве, не было — на её месте торчал ржавый кран.Селезень долго сидел на воде, глядя на обруб-ки бетона и мусор, который плавал у берега. Потом развер-нулся и улетел. Он искал другое место — то, где вода чище и берега добрее. Он нашёл пруд в парке, далеко отсюда, где его никто не знал и где не пахло мазутом.Но Яуза не отпускала.Каждую весну, когда солнце начинало греть по-настоя-щему и где-то на юге просыпалась тоска по дому, Селезень вспоминал тот самый изгиб реки, старую иву и затон, где во-да пахла тиной, а не бензином.Он не понимал, почему его

тянет туда, где ему было плохо. Он просто знал, что должен вернуться.

— Ты опять здесь. Голос был хриплый и насмешливый. Селезень поднял голову. На ржавом кране, который заменил старую иву, сидел Ворон. — Ты меня знаешь? — удивился Селезень. — Я тут всех знаю, — ответил Ворон. — Ты — тот самый, который каждую весну прилетает и кружит над затоном. А потом улетает. Я думал, ты уже не вернёшься. — Я и сам так думал, — сказал Селезень. — Но что-то тянет. Не могу объяснить. Ворон наклонил голову и внимательно посмотрел на утку сверху. — А что ты ищешь? — спросил он. — Не знаю, — честно ответил Селезень. — Может быть, то, чего уже нет. Я вылупился здесь. Здесь была чистая вода. Теперь — мазут и бетон. Иногда мне кажется, я ищу не место, а время. Ворон молчал долго. Слушал шум электрички, которая прошла по мосту, гул далёкой стройки, лай собак на том берегу. — Время не вернуть, — сказал он наконец. — Но место можно изменить. — Как? — усмехнулся Селезень. — Я же утка. Я не умею бетон ломать. — Ты умеешь возвращаться, — ответил Ворон. — Это уже немало. Он замолчал, а потом добавил: — Оставайся. Посмотри, что здесь будет, если ты не улетишь. Селезень не понял, что это значит. Но что-то в словах Ворона зацепило его. Он остался.

Первое время было тяжело. Вода пахла мазутом, и Селезню пришлось нырять далеко от берега, чтобы найти что-то съедобное. Он мёрз по ночам — бетон не давал тепла, а ста-

рых камышей больше не было. Но он не улетал. Ворон иногда прилетал к нему. Садился на бетонный парапет и молча смотрел на воду. Они почти не разговаривали — просто находились рядом. А потом — кажется, на вторую неделю — к берегу пришли люди. Молодые, в ярких куртках, с мешками и граблями. Они спустились к воде и начали собирать мусор. Вытаскивали из воды пластиковые бутылки, ржавые банки, полиэтиленовые пакеты. Селезень сначала испугался и отплыл подальше. Но потом заметил, что вода с каждым днём становится чище. Люди приходили каждые выходные. Они убирали мусор, а потом — о чудо — привезли какие-то саженцы и начали сажать кусты по берегу. Через месяц у самой воды появились молодые ивы. Селезень смотрел на это и не верил своим глазам. Он вспомнил слова Ворона: «Ты умеешь возвращаться. Это уже немало». Однажды вечером, когда солнце садилось за заводские трубы, Селезень выбрался на бетонный парапет и встряхнулся. Рядом бесшумно приземлился Ворон. — Ну что? — спросил он. — Это не то место, где я родился, — сказал Селезень. — Но оно становится хорошим. — Верно, — кивнул Ворон. — Знаешь, в чём сила возвращения? Селезень покачал головой. — В том, что ты видишь, как мир меняется. Для того, кто никогда не уходил, это просто берег. А для тебя — это место, куда ты вернулся. И ты видишь не только то, что потерял, но и то, что появляется здесь нового. Селезень посмотрел на воду. В ней отражалось закатное небо, рыжие трубы завода и зелёные кусты,

которые посадили те самые люди в ярких куртках.— Я, кажется, понял, — сказал он.— Что?— Дом — это не то место, где ты родился. Дом — это место, куда ты возвращаешься, чтобы сделать его лучше. Ворон усмехнулся.— А ты умнее, чем кажешься, — сказал он. — Для утки. И улетел. А Селезень остался сидеть на парапете, глядя на закат. Он больше не был той уткой, которая кружила над затоном и не решалась сесть на воду. Теперь он был дома. Настоящим — тем, который создают не стены, а возвращения, терпение и маленькие зелёные кусты, которые однажды станут большими ивами.

Сова

Она не была похожа на других птиц. В то время как воробьи с утра до вечера дрались за крошки на асфальте, а голуби

степенно ворковали на карнизах, Сова сидела в своём гроте и молчала. Она не охотилась при свете дня, не спорила с соседями и не участвовала в общей птичьей суете. Люди, гулявшие по дорожкам Нескучного сада, смотрели на тёмный зев каменной арки, оставшейся ещё от усадьбы какого-то графа, и думали: наверное, там никого нет. Просто старая руина, заросшая плющом, где пахнет сыростью и плесенью. Но она была там. Внутри, в самой глубине грота, где даже днём царил полумрак, сидела большая серая неясуть. Её перья были цвета старого серебра, а глаза — тёмные, круглые, немигающие. Она не спала. Она слушала. Начиналось всё с того, что в парке становилось тихо. Затихали последние голоса детей, замолкали качели, гас свет в окнах соседних высоток. Город выдыхал, и в этой тишине проступали другие звуки: шорох листьев под лапами ежа, далёкий гул электрички за рекой, скрип старой ветки, которая качалась на ветру. И тогда Сова слышала. Она слышала, как где-то у Крымского моста плачет девочка — поссорилась с мамой, убежала, а теперь сидит на лавочке и не знает, как вернуться. Слышала, как старик в промокшей куртке разговаривает сам с собой о войне, о друзьях, которых давно нет, о том, что его никто не ждёт дома. Слышала, как двое влюблённых шепчутся в кустах о будущем, которого у них, возможно, никогда не будет. Сова ничего не говорила. Она просто слушала. А потом — незаметно для самой себя — она стала местом, куда приходят. Сначала это был один воробей. Маленький, с кривым хвостиком, с

глазами, полными обиды. Он прилетел к гроту глубокой ночью — не потому, что знал, кто там живёт, а просто потому, что искал темноты, в которой можно спрятаться от своих мыслей. Он сел на камень у входа и начал чирикать. Он рассказывал о том, как его отталкивают другие, как он чувствует себя маленьким и никому не нужным. Его голос дрожал, срывался, но Сова молчала. Она не перебивала, не давала советов, не говорила, что всё будет хорошо. Она просто сидела в темноте и слушала. Воробей говорил долго. А когда замолчал — ему вдруг стало легче. Он расправил крылышки, удивлённо посмотрел на свои лапки, будто не ожидал, что они всё ещё держат его вес. Потом посмотрел в темноту грота, где угадывались два тёмных немигающих глаза. — Спасибо, — тихо чирикнул он. — Не знаю, что ты сделала. Но мне стало легче. И улетел. Сова не ответила. Но что-то в её груди дрогнуло. Через неделю пришёл голубь. Неуклюжий, с растрёпанным хвостом, он долго топтался у входа, не решаясь зайти. Потом заговорил — о том, что когда-то спас чьё-то счастье, но с тех пор никто не спросил его, как он сам себя чувствует. Он рассказал о том, как однажды его заметили, а потом снова перестали замечать. Сова слушала. Потом прилетела утка. Она села на камень у входа и долго молчала, глядя на луну. А потом начала рассказывать о реке, о доме, который изменился до неузнаваемости, о возвращении, которое оказалось труднее, чем она думала. Сова слушала. Слухи о ней расползались по всему пернатому кварталу. Там, у ста-

рого грота в Нескучном саду, сидит та, которая не говорит. Но после того, как с ней поговоришь, становится легче. Она не решает проблем. Она просто рядом. Птицы не понимали, как это работает. Они не знали такого слова, как «катарсис». Но они знали: когда внутри всё болит и некуда деть эту боль, можно прилететь к гроту. И тишина, которая там живёт, принимает всё. Однажды — это было уже поздней осенью, когда над Москвой нависли низкие серые облака, а листва уже облетела с деревьев — к гроту прилетел Ворон. Он не был похож на себя. Обычно спокойный, уверенный, с блестящими чёрными перьями, он сейчас выглядел усталым и каким-то потерянным. Молча сел на камень рядом со входом. Долго смотрел на тёмный зев арки, из которой на него смотрели два тёмных глаза. — Ты знаешь, зачем я пришёл? — наконец спросил он. — Ты устал, — сказала Сова. — Ты носишь в себе истории всех. Ты видел слишком много. Ворон вздохнул — тяжело, по-человечески. — Я все время рассказываю другим, — сказал он. — Про Плюха, который нашёл кольцо. Про Чика, который спас котёнка. Про Селезня, который вернулся на Язу. Я помогаю им находить счастье, говорю правильные слова, вижу, как у них загораются глаза. А потом я улетаю, и мне становится пусто. И некому рассказать мне то, что я рассказываю им. Он замолчал. В гроте было тихо. Где-то далеко прошуршала шинами машина, потом всё снова затихло. — Расскажи мне, — сказала Сова. Ворон посмотрел на неё. Впервые за долгое время он не был тем, кто

говорит. Он был тем, кто слушает. Он рассказал о Плюхе. О его мокрых перьях, о том, как тот боялся людей, но всё равно спустился вниз. О том, как кольцо блеснуло на ладони невесты и как загорелись её глаза. Рассказал о Чике — о том, как маленький воробей камнем упал на голову грузчику и спас котёнка. О том, как стая воробьёв впервые посмотрела на него с уважением. Рассказал о Селезне, который возвращался на Язу каждую весну и никак не мог найти то, что потерял. О том, как он остался и увидел, как мир вокруг него меняется. Сова слушала. Не перебивала. Не кивала. Просто была рядом — тёмная, тёплая, живая. Когда Ворон замолчал, за окнами парка уже начинало светать. Где-то далеко, за деревьями, прорезался первый солнечный луч. — Ты хороший рассказчик, — сказала Сова. — Но я скажу тебе одну вещь. — Какую? — Ты помогаешь другим находить счастье. Но кто помогает тебе? Ворон долго молчал. Смотрел на светлеющее небо, на верхушки деревьев, на каменные своды грота, которые постепенно начинали проступать из темноты. — Никто, — признался он. — Знаешь, в чём разница между нами? — спросила Сова. — Ты видишь всё снаружи. Ты наблюдаешь, комментируешь, направляешь. А я слушаю изнутри. Иногда самое большое счастье — это не рассказывать историю. Это просто быть тем, кто услышит чужую. Она помолчала и добавила: — Ты носишь в себе столько историй, что они начали давить на тебя. Но ты не обязан нести их в одиночку. Ворон посмотрел на неё долгим взглядом. Впервые за много

лет ему не хотелось улетать. Ему хотелось остаться здесь — в этом тёмном прохладном гроте, где кто-то слушает.— А кто слушает тебя? — спросил он. Сова улыбнулась — одними уголками клюва, едва заметно.— Никто, — ответила она. — Я слушаю. Этого мне достаточно. Они сидели вместе до самого утра. Ворон рассказывал, Сова слушала. А когда солнце окончательно поднялось над Москвой, Ворон расправил крылья и приготовился улетать.— Я прилечу снова, — сказал он.— Я буду здесь, — ответила Сова. С тех пор Ворон прилетал к ней каждую ночь. Он не всегда говорил. Иногда он просто сидел рядом в темноте — и этого было достаточно. Сова слушала. И это было то самое счастье — тихое, тёплое, без слов, — которое не найти на площади Трёх Вокзалов, не выклевывать из лужи и не выпросить у чужих людей. Оно было здесь. В тишине. В умении слушать. В том, что кто-то рядом дышит, и этого достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким. А Сова осталась в своём гроте. Она не искала счастья. Она уже нашла его — в том, чтобы быть тем местом, куда можно прийти и выговориться. И в этом была её тихая, вечная мудрость.

Пингвин

Он родился в неволе. Но не в том смысле, в каком говорят о трагедии — скорее, в смысле тепла, расписания и во-

ды, которая всегда была нужной температуры. Его родители тоже родились здесь, в этом вольере, за толстым стеклом, за которым вечно толпились люди. Они не знали другой жизни. И, честно говоря, не хотели знать. Вольер московских пингвинов пах рыбой, морской водой и хлоркой. Здесь было прохладно, как в холодильнике, и всегда звонко капала вода — то ли из бассейна, то ли из системы охлаждения, то ли откуда-то ещё. Этот звук — вечное «кап-кап-кап» — был ритмом всей их жизни. Пингвины плавали, ели, спали и снова плавали. Иногда кто-то из них подходил к стеклу и смотрел на людей, но долго не задерживался — надоедало. Клякса был другим. Он появился на свет с белым пятном на груди, которое выглядело так, будто кто-то уронил на него каплю краски. За это его и называли — Кляксой. Пока остальные пингвины лениво скользили по воде и ждали, когда принесут рыбу, Клякса часами стоял у стекла, прижавшись к нему брюхом, и смотрел. По ту сторону был мир. Живой, шумный, пахнущий чем-то неизвестным. Люди — они приходили, толпились, тыкали в него пальцами, смеялись, щёлкали фотоаппаратами. Клякса не понимал, почему они смеются. Он просто стоял и смотрел. Мимо проходили дети с сахарной ватой, которая таяла на солнце и оставляла розовые разводы на пальцах. Старушки в платках кормили голубей у соседнего вольера. Где-то вдалеке, за забором зоопарка, гудели машины, и Клякса не мог понять, что это за звук — то ли ветер, то ли зверь, то ли что-то ещё. Но больше всего его заво-

раживали дома. Они поднимались за деревьями — громадные, стеклянные, с окнами, в которых горел вечерний свет. Они уходили в небо и не заканчивались. Клякса не знал, как называются эти штуки, но они звали его. Каждый вечер, когда солнце садилось и окна начинали светиться жёлтым и белым, Клякса чувствовал, как что-то внутри него поднимается к горлу. Он не знал тогда, что это называется тоской. Однажды вечером, когда посетители давно ушли и зоопарк погрузился в тишину, прерываемую только редким лаем какого-то зверя и далёким гулом Большой Садовой, Клякса стоял у стекла и смотрел на огни. Вдруг раздался стук. Кто-то постучал клювом по крыше вольера. Отрывисто, требовательно. Клякса поднял голову. На крыше, прямо над ним, сидела птица. Большая, чёрная, с блестящими боками и умными жёлтыми глазами. — Ты чего там стоишь? — спросила птица. Голос у неё был хриплый, каркающий, но не злой. — Я смотрю, — ответил Клякса. — На что? — На город. Вон те дома. Как они называются? Птица усмехнулась — одними уголками клюва, едва заметно. — Это высотки. Москва, брат. Большой город. — Москва... — повторил Клякса, пробуя слово на вкус. Оно было короткое, твёрдое, как камешек на дне бассейна. — А ты кто? — спросила птица. — Я Клякса. Я пингвин. Я не умею летать. — Знаю, — сказала птица. — Я — Ворон. Я тут всех знаю. Смотрю сверху, запоминаю. Видел я пингвинов. Они обычно у бассейна толкутся, ждут рыбу. А ты всё у стекла стоишь. Почему? Клякса долго молчал.

Он не знал, как объяснить. Наконец сказал:— Я хочу узнать, что там. За стеклом. Ворон свесил голову вниз, наклонил её, разглядывая пингвина, как разглядывают странное насекомое.— Хочешь узнать, что там? — переспросил он. — Так выйди и посмотри.— Но я не могу! — всплеснул крыльями Клякса. — Я же пингвин. Я живу здесь. Меня не выпустят.— А ты пробовал?— Ну... нет. Ворон посмотрел на него долгим взглядом. В его жёлтых глазах что-то блеснуло — то ли насмешка, то ли мудрость, то ли и то, и другое сразу.— Запомни, Клякса, — сказал он. — Стены существуют только для тех, кто согласен за них не выходить. Ты не пробовал. Ты сам себя запер. А это разные вещи. Он расправил крылья, собираясь улетать.— Завтра, когда откроют вольер, выйди за ворота. Просто выйди. И посмотри. А потом вернёшься, если захочешь. Но сначала — иди. Он поднялся в воздух, сделал круг над вольером и растворился в темноте. Клякса остался один. Он смотрел на стекло, в котором отражались огни зоопарка, и думал. Всю ночь он не спал. Он лежал на своём месте, у самого бассейна, и смотрел, как луна движется по стеклянной крыше вольера. Другие пингвины посапывали во сне, перебирая лапами, — им снились, наверное, рыбы, а может, ничего не снилось. А Клякса думал. Он представлял, как выходит за ворота. Как ступает на асфальт. Как идёт — куда? Неважно. Главное — идёт. Он представлял, как подходит к высоткам, как встаёт у их подножия и смотрит вверх, туда, где они уходят в небо. И как на него смотрят люди — удив-

лённо, смеясь, но он идёт. Утром смотритель открыл вольер, как обычно, и начал разбрасывать рыбу. Пингвины сбились в кучу, загалдели, зашлёпали к кормушке. А Клякса остался стоять у выхода. — Куда это ты? — крикнул ему старый пингвин, огромный, важный, с блестящей спиной. — Я иду смотреть город, — ответил Клякса. Раздался смех. Над ним смеялись — громко, по-птичьи, захлёбываясь. — Ты с ума сошёл! — прохрипел старый пингвин. — Ты не умеешь ходить по городу! Ты пингвин! Твоё место здесь! — Может быть, — сказал Клякса и шагнул вперёд. — Но я хочу хотя бы попробовать. Он вышел из вольера и оказался на дорожке. Асфальт был тёплый, утренний, гладкий. Клякса ступил на него неуклюже — его перепончатые лапы не привыкли к такой поверхности. Но он пошёл. Сначала было страшно. Каждый звук — скрип калитки, голоса смотрителей, шум листвы — заставлял его вздрагивать. Но он шёл. Мимо вольера с удивлёнными сурикатами, которые вытянулись столбиками и провожали его глазами. Мимо клеток с попугаями, которые завопили что-то ему вслед. Мимо бабушки с тележкой, которая ахнула и полезла за телефоном. — Пингвин! Смотрите, пингвин идёт! — крикнул какой-то мальчик. Клякса не остановился. Он шёл. Он дошёл до главных ворот зоопарка. Они были открыты — как всегда утром, когда начинают пускать посетителей. Клякса остановился на минуту. Сердце его колотилось — сильно, гулко, как маятник старых часов. Потом он шагнул вперёд. И оказался на улице. Запах ударил в нос сразу

— резкий, непривычный. Бензин. Пыль. Горячий асфальт. Кофе, который несли мимо в бумажных стаканчиках. Где-то рядом загудел автобус, и Клякса от неожиданности прижался к стене. Мимо прошли люди — быстрые, занятые, они почти не смотрели по сторонам. Никто не кричал. Никто не смеялся. Просто утренняя Москва — спешащая, деловая, равнодушная. Клякса сделал шаг от стены. Потом ещё один. Он вышел на тротуар и поднял голову. Дома нависали над ним. Это было что-то невероятное — стеклянные бока, отражающие небо, ряды окон, в которых уже загорался свет, купола, шпили, антенны. Они поднимались так высоко, что у Кляксы закружилась голова. — Ну что? — раздался знакомый хриплый голос. Ворон сидел на фонарном столбе, свесив голову вниз. — Увидел? Клякса хотел ответить, но слова застряли в горле. Он просто стоял, задрал голову, и смотрел. Мимо прошли люди — кто-то обернулся, кто-то достал телефон. Но Клякса не замечал их. Он смотрел на город. Наконец он выдохнул: — Он огромный. — Ага, — согласился Ворон. — Огромный. Это Москва. Она такая. — Здесь так много всего, — тихо сказал Клякса. — Как они все тут помещаются? Ворон усмехнулся: — А ты скажи спасибо, что ты не голубь. Им приходится летать над всем этим каждое утро. Он расправил крылья, потянулся. — Ну и что дальше? — спросил Ворон. — Пойдёшь смотреть или так и будешь стоять столбом? Клякса посмотрел на него. Потом на город. Потом снова на Ворона. — А ты проводишь меня? — спросил он. Во-

рон моргнул. Впервые за весь разговор он выглядел удивлённым.— Провожу? — переспросил он.— Ну да. Я же не знаю города. А ты, наверное, всё знаешь. Ты же Ворон. Ворон долго смотрел на него — этот маленький чёрно-белый комок, стоящий посреди тротуара, под огромными домами, с глазами, полными любопытства.— Ладно, — наконец сказал Ворон. — Пошли. Покажу тебе Москву. Но учти — ты первый пингвин в моей жизни, которого я буду сопровождать. Обычно я просто сижу и наблюдаю.— А что изменилось? Ворон задумался. Потом сказал:— Не знаю. Может, то, что ты вышел. Не все выходят. Он взлетел и сел на крышу припаркованной машины.— Ну что, Клякса, пойдём смотреть город. Клякса шагнул за ним. Они шли по утренней Москве — чёрный Ворон, который перелетал с дерева на дерево, и маленький пингвин, который неуклюже переставлял лапы по асфальту. Люди оборачивались, кто-то смеялся, кто-то снимал на телефон. Клякса не обращал внимания. Он смотрел по сторонам — на витрины, на фонари, на голубей, которые вспархивали с тротуара и садились на карнизы.— А куда они летят? — спросил Клякса, кивая на голубей.— Ищут еду, — ответил Ворон. — Этим вечно надо жрать. Как вольер, только везде.— А ты что ищешь? Ворон остановился на ветке старого тополя, посмотрел на Кляксу сверху.— Не знаю, — признался он. — Может, то же самое. Только я не всегда понимаю, что именно. Они прошли мимо высотки на Красной Пресне. Клякса остановился, запрокинул голову.— Это что?

— спросил он.— Дом. Самый большой из тех, что я знаю. Люди говорят, там есть квартиры, офисы, бассейн на крыше. Я туда не летал — не пускают. Но красиво, да.Клякса кивнул. Он стоял и смотрел, как солнце отражается в окнах высотки, как по карнизу ходит голубь, как облако проплывает мимо шпиля. И ему вдруг стало спокойно. Он вышел. Он увидел. Он был здесь — маленький пингвин посреди огромного города, и город не раздавил его. Он просто был рядом. Большой, шумный, живой.— Знаешь, — тихо сказал Клякса, — я думал, будет страшно.— А что? — спросил Ворон.— А вот страшно не было. Было интересно.Ворон посмотрел на него долгим взглядом. Что-то в его чёрных глазах дрогнуло — как будто он увидел в этом маленьком пингвине что-то, чего не видел раньше.— Ты молодец, Клякса, — наконец сказал он. — Ты вышел. Не все выходят. Даже те, кто умеет летать.Он замолчал, потом добавил:— Счастье, Клякса, — это когда ты находишь место, где тебе хорошо. И не важно, где ты родился. Важно, где ты решил жить.Клякса посмотрел на него.— А ты? — спросил он. — Ты где решил жить?Ворон долго молчал. Смотрел на город — на крыши, на машины, на людей, которые куда-то спешили.— Я ещё не решил, — тихо сказал он. — Может, ты мне поможешь понять, когда решишь сам.Они стояли под высоткой, у подножия огромного здания, и смотрели на Москву. Утро разгоралось, город наполнялся звуками, и маленький пингвин с белым пятном на груди чувствовал, что он — часть этого города. Не гость.

Не зверь из клетки. А просто — часть. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым. К вечеру Клякса вернулся в зоопарк. Другие пингвины посмотрели на него с недоумением — он был грязный, уставший, но глаза его горели. — Ну что? — спросил старый пингвин. — Сходил? — Сходил, — ответил Клякса. — И как там? Клякса посмотрел через плечо, туда, где за деревьями угадывались огни высоток. Он улыбнулся — одними уголками клюва. — Там здорово, — сказал он. — А я ещё вернусь. Завтра. Он лёг на своё место, у самого стекла. И долго смотрел на огни города, пока сон не сомкнул ему глаза. А на крыше вольера сидел Ворон. Он смотрел вниз, на спящего пингвина, и думал. О том, что даже те, кто не умеет летать, могут найти свой путь. Иногда для этого нужно просто выйти за ворота. И посмотреть, что там, снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.